

В. К. Тредиаковский и А. П. Волынский: конфликт в истории и человеческой памяти

Аннотация. Данная работа посвящена взаимоотношениям между поэтом В. К. Тредиаковским и государственным деятелем А. П. Волынским. Кульминацией конфликта стало публичное избивание поэта. Это стало поводом для ареста Волынского, обвинения его в заговоре и различных злоупотреблениях и последовавшей позже казни. Общественное мнение связало трагическую гибель кабинет-министра с личностью поэта. Отношение общества к В. К. Тредиаковскому менялось только годы спустя: из виновника гибели патриота-министра он стал жертвой произвола и насилия со стороны высокопоставленного чиновника. Эти обстоятельства и предопределили литературную традицию. Использован историко-генетический метод исследования, который является одним из основных методов исторического познания. В основе его лежат преимущественно описательные технологии. Основная цель метода состоит в объяснении фактов, выявлении причин их появления, особенностей развития и последствий. Основными источниками послужили исторические романы и литературные произведения. Новизна и актуальность исследования заключаются в том, что автор на основе анализа ряда литературных источников предпринимает попытку осмыслить, как менялось отношение общества к своей истории, как менялось само общество и его идеалы. Исследование не только обращается к историографии данного конфликта, но и затрагивает проблему феномена исторической памяти.

Ключевые слова: В. К. Тредиаковский, А. П. Волынский, ледяной дом, поэт, кабинет-министр, бироновщина, исторический роман, литературная традиция, художественный образ, историческая память.

Abstract. This article examines the conflict between the poet V. K. Trediakovsky and the Russian statesman A. P. Volynsky. After physically assaulting the poet in public, Volynsky was arrested on charges of conspiracy and misconduct and was later beheaded. The tragic death of the cabinet minister was then associated in public opinion with the figure of the poet. The public's attitude towards V. K. Trediakovsky changed only years later: from the culprit of the patriot-minister's death he came to be seen as a victim of tyranny and violence from the high-ranking official. These circumstances determined the poet's literary tradition. In this study the author used the historical-genetic research method, which is one of the principle methods of acquiring historical knowledge. It is primarily based on descriptive means. The main goal of this method is to explain facts and to identify their causes, development, and consequences. The main sources used were historical novels and literary works. The novelty and relevance of this research is the author's attempt, on the basis of working with original sources, to understand how society's attitude changed towards its history, and how society itself and its ideals changed. The article not only refers to the historiography of the conflict, but also touches upon the question of the phenomenon of historical memory.

Key words: V. K. Trediakovsky, A. P. Volynsky, ice palace, poet, cabinet minister, Bironism, historical novel, literary tradition, artistic image, historical memory.

История прочно связала между собой имена двух современников – В. К. Тредиаковского и А. П. Волынского, – несмотря на разницу в их положении, характере, жизненном пути. Волею судьбы участниками скандала оказались, с одной стороны, государственный деятель, кабинет-министр императрицы Анны Иоанновны, а с другой – один из первых российских поэтов, ученый и философ. Человеческая память парадоксально соединила имя одного человека и трагическую гибель друго-

го, косвенно возложив на Тредиаковского вину за арест и казнь Волынского.

Причину конфликта Артемия Петровича и Василия Кирилловича традиционно связывают с профессиональной деятельностью последнего: «прикормленный» врагом кабинет-министра – обер-штабмейстером князем А. Б. Куракиным – стихотворец слагал и пускал в оборот насмешливые «вирши» и «побасенки». Исследователи спорят, какая эпитафия – «Ворона, чванящаяся чужими перьями», «Осел в

львиной коже», «Самохвал» – вызвала гнев самолюбивого вельможи. Не исключено, что «доброжелатели» только намекнули кабинет-министру о его сходстве с героями «эзоповых басенок», переведенных Третьяковским на русский язык. Возможно также и то, что все эти басни были написаны гораздо позже, а мишенями эпиграмм поэта были его соперники по литературному творчеству – молодые и талантливые М. В. Ломоносов и А. П. Сумароков [1, 132, 137, 140].

Тем не менее последовавшая изощренная месть логично объясняется досадой самолюбивого кабинет-министра на стихотворца. В феврале 1740 г. при подготовке знаменитой свадьбы шутов императрицы Анны Иоанновны в ледяном доме Третьяковскому было приказано написать приветственные стихи новобрачным. Когда поэт не проявил должного рвения, Волынский избил его в присутствии «подлых людей». На другой день обиженный Василий Кириллович задумал «пасть в ноги его высокогерцогской светлости» с жалобой на Волынского. К несчастью, в покоях герцога он встретился с Волынским. Разъяренный сановник, поняв, зачем пришел поэт к Бирону, вновь избил его, вытолкнул из покоев временщика и отвез в маскарадную комиссию. Здесь экзекуция продолжилась: стихотворца избивали палками, дав около сотни ударов. В этот раз поэт обратился с рапортом в Академию наук и был подвергнут медицинскому расследованию [2, 333]. Сам виновник расправы – Волынский – большого значения инциденту не придавал, утверждая: «Я себя потешил и свое взял...» [3, 140].

Эта история стала широко известна при дворе. Ни для кого не были секретом причины ярости Волынского. По характеристике секретаря саксонского посольства Петцольда, «Третьяковский был предан семейству адмирала Гюловина и обер-штальмейстера князя Куракина, а с ними Волынский жил в ссоре и не пропускал случая давать им подобного рода доказательства своего расположения» [4, 1362]. Расправа над поэтом сослужила Волынскому плохую службу, не только представив его в глазах окружающих «врагом рода человеческого», но и явившись формальным поводом к началу следствия над ним. Неслучайно в «изображении о преступлениях» Волынского значится «оскорбление святости и безопасности государевых палат и покоев» [3, 163].

Чтобы понять причины, толкнувшие Волынского на подобное преступление, следует

учитывать следующие факты. Жестокие расправы начальников с подчиненными в XVIII в. не были чем-то из ряда вон выходящим. Дело приобретало определенный резонанс лишь изредка, когда от побоев начальства погибал подчиненный [5, 250; 6, 166–169]. Хрестоматийная дубинка Петра I, испытать действие которой пришлось и Волынскому, тоже была в своем роде школой, научившей администраторов подобному обращению с нижестоящими людьми. Статус поэта и ученого плохо защищал от унижений со стороны сильных мира сего не только в России: вспомним избиение Вольтера слугами шевалье де Рогана в отместку за дерзкую эпиграмму. Расправу над стихотворцем можно объяснить субъективными причинами – досадой, личной обидой на «шутовские насмешки». А с формальной точки зрения, Третьяковский (которого вообще забыли поставить в известность о его участии в «курьезной свадьбе») не явился вовремя к Волынскому для получения задания, тем самым серьезно провинившись по службе. Интересно и предположение Б. А. Успенского, что поэта случайно заставили принять участие в церемонии – «в шутовском действии, в какой-то мере задуманном как глумление над католиками и католическим вероисповеданием». Третьяковский, который в юности учился в католической школе в Астрахани, а впоследствии за границей, явно имел какие-то связи с католиками, о которых стало известно Волынскому [7, 538].

Жестокость наказаний все же может быть объяснена не только темпераментом Артемия Петровича, но также и тем обстоятельством, что его жертва имела несчастье попасть ему под горячую руку. Тем не менее на ум приходят строки известной басни – «у сильного всегда бессильный виноват», – и оправдывать Волынского мы не собираемся, тем более что подобные случаи неоднократно имели место в биографии кабинет-министра [6, 270–271]. Гораздо интереснее проследить эволюцию образа поэта и «дела Волынского» в литературных произведениях. Советский историк академик М. В. Нечкина призвала изучать художественное произведение, раскрывая его функции, а также подчеркивала, что художественное мышление писателя и восприятие действительности читателем связано единством законов и их принцип «художественного мышления», ввиду единой сущности человеческого восприятия, один и тот же [8, 26].

Появившийся в 1835 г. роман И. И. Лажечникова «Ледяной дом» выдержал несколько

изданий, став популярнейшим бестселлером своего времени. Одним из исторических персонажей, выведенных на страницах книги, был В. К. Третьяковский. К несчастью покойного поэта, его литературный образ был нарисован так ярко и убедительно, что авторская позиция Лажечникова повлияла на отношение читателей к Третьяковскому. На страницах романа Третьяковский – бездарность и педант, «вдохновения не было у него ни в голове, ни в сердце», все подавляло «корыстолюбие». Он самодовольно рассказывает «анекдотец о себе и Петре Великом» герою романа вельможе Волынскому: «Извольте ведать, что я обучался элементам наук и древних языков в архангельской школе. Уже в летах младых я обещал в себе избыточные надежды. <...> Всемилостивейший государь, блаженные и вечнодостойные памяти, соблаговолил подойти ко мне, выведенному из ряда прочих школьников, поднял державною дланью власы на главе моей и, взглянув пристально мне в очи, а скипетроною ударив по челу моему, произнес: “О! Этот малой труженик: он мастером никогда не будет”». Поэт гордится тем, что он стал «мастером», а значит, император в нем ошибся [9, 466–467].

Лажечников не поспешил на детали, унижающие поэта: тот уходит из дома Волынского и уносит «Телемахиду», завернутую в один платок с «богатою парой платья», подаренной ему «покровителем». Тем более что «пожалован» поэт был вовсе не за свое творчество (вызывающее скуку у просвещенных героев книги), а за посредничество в амурных делах кабинет-министра. Заискивание Третьяковского перед «сильными персонами» (в роли которых выступают даже столь ничтожные люди, как сын «барской барыни»), по мысли автора, также должно было подчеркнуть трусость и подлость «писачки».

Даже «торжество» поэта унижительно для него: «государыня рукоплещет» его стихам, посвященным свадьбе шутов. Однако реальный эпизод избиения поэта «истинным меценатом» Волынским за отказ написать эти стихи не вошел в роман. На момент написания книги автор не знал об этом: жалоба Третьяковского еще не была опубликована. Однако в издании романа 1835 г. Василий Кириллович ставил ногу на отрубленную голову своего благодетеля Волынского (при переиздании «Ледяного дома» эта «деталь» была писателем из романа изъята).

Характерно, что А. С. Пушкин в своем письме обвинил Лажечникова в необъективности, что своим изображением Третьяковского

писатель оскорбил «человека, достойного во многих отношениях уважения и благодарности нашей» [10, 62]. В ответ, сославшись на свидетельства современников тех событий и документов, Лажечников решительно отвечал: «Низких людей, подлецов, шутов считаю обязанностью клеймить, где бы они ни попались мне». Раз Третьяковский «был низок и подл», значит, в том, чтобы «поколотить его, не было большого греха». Лажечников полностью отрицает и человеческие достоинства Третьяковского, и какие-либо достоинства его произведений: тот был «писачка, которого заслуги литературные надобно отыскивать в кучах сору» [11, 64–65].

Как видно, авторскую позицию и негативное отношение к Третьяковскому определили «анекдоты из времен аннинских», когда-то слышанные писателем. Недоступность для «русского Вальтера Скотта» документов (напомним, что «Записка об Артемии Волынском» и рапорт Третьяковского в Академию наук еще не были опубликованы) поставили его в крайне двусмысленное положение мифотворца. Научные публикации 1860–1890-х гг., расширившие представление о минувшем времени (и несколько озадачившие новыми фактами литераторов), стимулировали появление многочисленных романов по сюжетам аннинской эпохи. Казалось бы, с мифотворчеством в художественной литературе было покончено, однако легенды «Ледяного дома» Лажечникова оказались живучими. Более того, популярные образы аннинского царствования в общественном сознании были усилены историческими картинами В. И. Якоби «Шуты при дворе императрицы Анны Иоанновны», «Ледяной дом» и «А. П. Волынский на заседании Кабинета министров».

Впрочем, отнюдь не каждый автор исторических романов был готов следовать популярным штампам. Так, А. Ф. Писемский и С. А. Ладыженский (Булкин) в своих произведениях не предавали исключительного значения конфликту между поэтом и кабинет-министром. Повидимому, на это лишь отчасти повлияло знакомство с материалами дела Волынского, решающее значение здесь имела пресловутая авторская позиция. В авантюрном романе С. А. Ладыженского (Булкина) «Сыщики. Историческая повесть из бироновского времени» вскользь упоминается, что «в пылу забот Волынский успел уже три раза “потешить себя”, как он говорил, отколотив Третьяковского по щекам и палкой» [12, 667]. Однако сам автор не связывает «дело Во-

льнского» с расправой над стихотворцем: причинами падения кабинет-министра называются его непомерное честолюбие и борьба за власть. И хотя в романе Третьяковский сравнивается с «последней спицей в колеснице», детально показана незаметная, но решающая роль «маленьких людей» – служащих Тайной канцелярии.

Художественный замысел драмы А. Ф. Писемского «Поручик Гладков» связан с проблемой «маленького человека», творящего историю. Безответная и немислимая любовь бедного офицера – «сына старого секретаря Волынского» – к принцессе Анне Леопольдовне определяет фабулу пьесы. Ради этой высокой цели он решается на предательство: сначала молодой человек предает Волынского, затем Бирона. Но трижды предать ему не удается – гвардейцы-преображенцы убивают Гладкова, который со шпагой в руке пытается защитить Анну Леопольдовну во время переворота [13].

Характерно, что вовсе не Третьяковский стал героем данной пьесы в роли пешки, свалившей ферзя. Это тем более парадоксально в свете возросшего интереса русской литературы к теме доброго и безобидного «маленького человека», не одаренного выдающимися способностями, но также достойного сочувствия, внимания, поддержки.

В вышедшем в 1887 г. романе П. В. Полежаева «Бирон и Волынский» были максимально использованы современные ему научные публикации, в частности, биографический очерк об А. П. Волынском Д. А. Корсакова. Это позволило свести к минимуму художественный вымысел. Конечно же, как следует из названия произведения, отнюдь не Третьяковский являлся главным героем в глазах автора. Однако автор, уделив внимание блестящей карьере кабинет-министра А. П. Волынского, в двух эпизодах выводит на страницы своего произведения и Василия Кирилловича. Появление поэта на придворном вечере выставляет его довольно двусмысленным образом:

«– Реши, Ивановна, наш спор! – пискливо пропищал подбежавший вприпрыжку шут Лакоста.

– В чем, дурак, решить?

– Да вот, спорил с Василием Кириллычем.

Я говорю ему, что он дурак, а он меня называет дураком: ты, дескать, не умеешь писать виршей, не знаешь регул элоквенции, а я говорю ему, что он дурак-то, потому что пишет вирши.

Государыня улыбнулась и посмотрела в ту сторону, куда показывал шут и где у стенки сто-

ял знаменитый пиита и профессор элоквенции Василий Кириллович Третьяковский, с подбострастием отвешивавший чуть не земные поклоны государыне» [14, 225]. «<...> Заметила ли Анна Ивановна неудовольствие пииты (раскритиковавшего стихи Феофана Прокоповича. – Н. К.) или, поддаваясь влечению, появлявшемуся у нее нередко, посмеяться насчет ближнего, только, обратясь к Куракину, она громко и очень серьезно высказала:

– А сколь много мы обязаны нашему славному пиите Василию Кирилловичу, того и выразить мы не можем. Великий он нам приносит авантаж и в нашей болезни облегчение. Страдаем мы по временам бессонницей, отменно изнурительною и весьма мешающей нашему здоровью. Что ни давал мне дохтур, ничего не помогает, а помог профессор элоквенции. Раз, обретаясь в такой бессоннице, я приказала моей рассказчице, в наказание за ее провинность, читать мне вслух творение Василия Кирилловича “Телемахиду”. И что же? Не успела она прочитать и страницы, как я уже спала мертвым сном. Каков же авантаж! Виновная наказана и болезнь излечена. Спасибо ему!

Придворные хохотали, а профессор элоквенции кланялся и благодарил, весь сияя неподдельной радостью» [14, 226].

Как видно, никто не воспринимает стихотворца всерьез: похвала из уст императрицы равносильна приговору его творчеству. Вместе с тем поэт гордится монаршей лаской, то ли не понимая, то ли не желая смириться с ролью шута-стихоплета, дворового поэта. Характерен диалог Бирона и Анны Иоанновны:

«– Да разве шут не человек, ваше величество? Разве Третьяковский шут?

– Все равно, Эрнст, такой же... ты сам не раз говорил.

– Положим, так, но важность не в них, а в том, где это было сделано. Ведь это было в вашем дворце и моем! Ведь это оскорбление величества, государыня! За это во всех образованных государствах назначается смертная казнь» [14, 335].

Реальное избиение поэта Волынским случайно дополнено в романе Полежаева избиением шута Педрилло (детально совпадающим с аналогичным эпизодом у Лажечникова). Автор акцентирует внимание читателя на том, что для Бирона, подавшего жалобу на дерзость кабинет-министра, шут и поэт занимают примерно одинаковое положение, а забота о них – лишь повод свести счеты со своим противником.

Само избиение поэта Вольнским показано автором яркими красками: характерно, что кабинет-министр отнюдь не выглядит «добрым молодцем», производя скорее впечатление человека, в бешенстве не отдающего отчета своим поступкам. Обращая внимание читателей на то, что «несчастный» Третьяковский вынес побои безвинно, Полежаев пересказывает историю об эпиграмме «Самохвал», написанной по заказу А. Б. Куракина: «Самые чувствительные оскорбления, не прощаемые и оставляющие по себе неисцеляемые раны, составляют уколы самолюбия, в особенности развитому до крайности. Вольнский ненавидел Куракина, искал случая с ним расплатиться, но это было трудно по положению Куракина и личному его характеру. Искупительною жертвою представился Василий Кириллович, и на него вылилась вся накипевшая желчь» [14, 313].

С точки зрения автора, избиение Третьяковского было трагической случайностью с далекоидущими последствиями: «Для Артемия Петровича эпизод с Василием Кирилловичем был ничтожным случаем, пустяком, на который не стоило обращать внимания, но в будничной жизни пустяки играют свою роль, из них создаются события великие, на которые потом, через много лет, историк смотрит с изумлением и причины которых отыскивает в пыли отдаленных времен» [14, 309].

Безусловно, Полежаев сочувствует униженному и оскорбленному поэту, скептически (с позиции интеллигенции пореформенной России) оценивая «право вельможи на побои такой мелкой сошки». Однако, расценивая противостояние Вольнского с Бироном как борьбу «русской» и «немецкой» партий за власть, автор сетует на неблагоприятное стечение обстоятельств, из-за которого кабинет-министр взшел на эшафот. Неслучайно повествование продолжается не только до победы «русской партии», но и до воцарения Екатерины II, реабилитировавшей Вольнского.

В отличие от романа Полежаева, диалогия Василия Петровича Авенариуса «Под немецким ярмом» (1907–1908 гг.) была адресована юным читателям. Целью литературной деятельности Авенариуса была передача полезных сведений молодежи, поэтому через приключения героев (как правило, своих сверстников) подростки могли узнать множество интересных фактов и бытовых подробностей. Его произведения были проникнуты «благонамеренными» взглядами, что в

свое время облегчило им доступ в царскую школу в качестве «рекомендованной» литературы.

Образ Василия Кирилловича Третьяковского – одного из второстепенных персонажей – далек от идеала. Авенариус развивает лажечниковскую традицию в изображении поэта: само появление Третьяковского на страницах романа напоминает анекдот, внешний вид «маленького человека» полностью соответствует его поведению: «В тот же миг проскользнуло в прихожую третье лицо, судя по кафтану с медными пуговицами – секретарь, чтобы выхватить из рук швейцара плащ академика и собственноручно возложить его последнему на плечи. <...> Третьяковскому было тогда тридцать шесть лет, но по лунообразному облику лица его с двойным подбородком и по порядочному уже брюшку ему смело можно было дать все сорок. Бритва, по видимому, несколько дней уже не касалась его щек; волосатая бородавка на левой щеке еще менее служила его украшению. На голове его хотя и красовался – по требованию времени – парик с черным кошельком на затылке, но мукою он был посыпан, вероятно, еще накануне, а то и два дня назад: только там да сям сохранились еще слипшиеся от сала клочки муки и придавали владельцу парика как бы лысый вид» [15, 40–41].

Рассказывая о своих литературных заслугах, поэт весьма комичен: «Сама ведь государыня императрица как меня ценит! До гробовой доски не забуду, как пел я перед нею сочиненную мной на голос оду на новый 1733 год!

– Сами же и пели?

– Собственной персоной. Голосом Бог не обидел. Государыня изволила возлежать в своем кресле у пылающего камина, а я, смиренно проползши от порога до ее стоп на коленях, в такой же позитуре пел свою оду; когда ж допел, ее величеству благоугодно было державною дланью ударить меня по ланите. Незабвенная оплеушина!..»

Для аудитории романа – юных читателей – этот эпизод хвастовства поэта сомнительной «монаршей лаской» выполнял важную педагогическую задачу, демонстрируя наглядный пример неправильного, «неблагородного» поведения.

История с эпиграммой также не красит Василия Кирилловича: «Желая угодить своему давнишнему протектору, Третьяковский сочинил про Вольнского тяжеловесную, но довольно злую песенку, а Куракин позаботился распространить ее между придворными; среди них нашлись, конечно, услужливые люди, подсунувшие стихотворный пасквиль самому Вольнскому.

Вспыльчивый и крайне самолюбивый, Артемий Петрович был взбешен – не столько даже на Куракина, сколько на автора пасквиля.

«– Блоха ведь, а туда же – кусаться! – говорил он своим приятелям. – Попомнит он еще меня!

– Невеличка блошка, а спать не дает, – отозвался Еропкин. – Да не много ли чести блохе, что ты так сердисься на нее?» [15, 142] Эпизод же с избиением «злосчастливого стихокропателя» представлен случившимся по вине чванливого поэта, не проявившего должного рвения и требуемой субординации:

«– Так ли я уразумел, ваше высокопревосходительство? Вам благоугодно, чтобы я сочинил стихи для дурацкой свадьбы?»

– Ну да, на то ты сюда и вызван.

– Прошу от сего меня уволить, понеже дурацкие шутки благородному человеку не пристойны!

– А злостные пасквили сочинять пристойно? Еще учить меня вздумал, что пристойно, а что нет!» [15, 149]

Комментируя полученные поэтом побои, Авенариус пишет, что «хотя ручная расправа высших с низшими была тогда не в такую уж редкость, тем не менее для секретаря де ла сиянс Академии, философа и стихотворца такое обращение в присутствии всех членов комиссии и даже “подлых людей” было нестерпимо, почему он и при дальнейшем разговоре не выказывал требуемой субординации». Впрочем, сочувствие автора к «страдальцу» сменяется негодованием, поскольку Третьяковский не перенес свою обиду молча, а пошел жаловаться президенту Академии наук барону Корфу, а затем «забежал с заднего крыльца еще к Бирону, а этому его жалоба послужила желанным оружием, чтобы погубить наконец своего ненавистного соперника» [15, 163].

Возникает парадоксальная ситуация: с одной стороны, автор не одобряет поведения Вольнского, с другой стороны, он великодушно «прощает» своему любимцу подобные поступки. Тем более что жалоба Третьяковского привела к гибели вождя «русской партии», а поэт просил материальной компенсации за свои мучения: «Из конфискованного в казну имущества осужденных значительная часть была роздана, как полагалось, в награду разным “преданным слугам отечества”. Считая себя также одним из таковых слуг, Василий Кириллович Третьяковский не замедлил теперь выступить также претендентом на частицу наследства Вольнского.

В слезном всеподданнейшем прошении, по пунктам, с присущим ему семинарским красноречием жалуясь на претерпленные им от своего “жесточкого мучителя и бессовестно-злостного обидителя нестерпимое бесчестье и бесчеловечное увечье, притом в самом Ея императорского величества апартаменте”, пиита наш просил, “дабы повелено было из оставшихся после Вольнского пожитков учинить ему, просителю, милостивейшее наградительное удовольствие”» [15, 182].

Автор обращает внимание читателей на то, что награду Третьяковский получил уже в регентство Бирона. Характерно, что упоминая о вознаграждении герцогом своего «преданного слуги», он не называет Василия Кирилловича ни «пиитой», ни даже «злосчастливым стихокропателем», но согласно его должности – «секретарем де ла сиянс Академии», как бы отказывая ему в звании поэта [15, 210]. Словом, Третьяковский выставлен в качестве своеобразного Иуды-предателя, а его вознаграждение – тридцатью серебряниками. По мысли автора, трусоватость Третьяковского и его заискивание перед вельможами «немецкой партии» являются достаточным основанием, чтобы критически отнестись к его личности и творчеству. Неслучайно во второй части романа на страницах книги появляется М. В. Ломоносов – полная противоположность Василию Кирилловичу. Но... противопоставляя обоих поэтов друг другу, Авенариус не задумывается о том, как сложилась бы судьба Ломоносова, поменяйся он местами с Третьяковским.

Революционные события 1917 г. и установление советской власти не только способствовали пересмотру русской истории, но и послужили появлению новых исторических романов, где героями были совсем другие – «классово близкие» советскому читателю – персонажи. Тем не менее постепенно пробуждался интерес к ярким личностям минувшего времени. Кумир советских читателей В. С. Пикуль, написавший в 1970-е гг. популярнейший роман «Слово и дело», не мог не упомянуть о судьбе поэта, ставшего своеобразным камешком, заставившим повернуть колесо истории: «Бедный Василий Кириллович! Только за столом, когда пишешь, тогда и счастлив ты. Оторвался от стола, восторги творческие студя, и жизнь бьет тебя... Ох, как бьет она тебя! А кто ты есть, чтобы свинству противоборствовать? Да никто! Всего лишь пиит...»

– Не поручик же, – говорила Анна Иоанновна.

И будет писать Третьяковский, душою исходя вопельно: «Сжальтесь же обо мне, умилитесь надо мною, извергните из мыслей своих меня... Я сие самое пишу вам истинно не без плачущия горести... Оставьте вы меня отныне в покое!»

Нет. Не оставили. Поэт-то един. Деньги берешь – так пиши, скотина!» [16, 424]

Несмотря на свою симпатию к безобидному стихотворцу, Пиккуль досадует на него как на помеху Волынскому и его «конфидентам», которые едва не совершили «прогрессивный» и «патриотический» государственный переворот. Эпизод с избиением поэта становится в изложении романиста очередным историческим анекдотом, необходимым для оживления приключений героев романа. Точно так же визит поэта в Тайную канцелярию и вымышленные любовные похождения Василия Кирилловича «органично» смотрятся среди баек о женитьбе шута на козе, кузнеце – изобретателе крыльев и прочих. Впрочем, автор заявляет: «Боль Третьяковского – это моя же боль! Это наша общая боль, любезный читатель. Волынского оправдать никак нельзя. И мы его не оправдываем!..» [16, 429]

В отличие от романа «Слово и дело» В. С. Пиккуля, конфликт между Волынским и Третьяковским является основной сюжетной линией в новелле Ю. М. Нагибина «Остров любви» [17]. По мысли автора, витающий в облаках поэт, занятый спором о правилах стихосложения со своим молодым коллегой Ломоносовым, забыл о поручении кабинет-министра написать стихи на шутовскую свадьбу. Именно это обстоятельство и определяет трагическую развязку. Гордость Третьяковского, оберегавшего свое скромное достоинство, не желавшего становиться шутом, только усугубила ситуацию: «Негоже пииту скоморошествовать...»

Нагибин высказывает свою оригинальную точку зрения на причины избиения поэта «сиятельным живорезом»: «Бедного российского поэта, как былинку, как палый листик, засосало в вихрь государственных страстей, не на жизнь, а на смерть борющихся властолюбий. Он думал, что скромно отстаивает собственное достоинство, а может и достоинство тех, кто придет вслед за ним на ниву отечественной словесности, а сам, того не желая, сунулся под колесо разогнавшейся во весь дух телеги кабинет-министра» [17, 151]. «Он (Третьяковский. – Н. К.) долго не постигал лютости Волынского, необъяснимой цепкости, с какой первый сановник государства, обремененный многими делами и забо-

тами, впился в слабого, беззащитного человека, отважившегося на свой жалкий бунт. Лишь когда стало известно о «заговоре Волынского», кое-что приоткрылось Василию Кирилловичу. <...> Волынский начал плести свою сеть: искать и вербовать сторонников, прощупывать гвардию, одновременно всячески улеживая больную, капризную и ненасытную к развлечениям государыню. <...> Волынский следил за каждым своим шагом, словом, жестом, следил, чтобы его поведение ничем не отличалось от всегдашнего. Упаси Боже, чтобы Бирон и его клеветы заметили, что он осторожничает, затаился, стал рассчитывать свои поступки, он, знаменитый своей необузданностью и удалой ширью истинно русской натуры. И он заставлял себя пить, кутить, якшаться с непотребными женщинами, хотя ему было совсем не до того, совершать продуманно опрометчивые поступки. Но известно, что большие предприятия нередко гибнут из-за мелочей. Поэтому и расправился он беспощадно с ничтожным Третьяковским. <...> Человек, замысливший большое тайное дело, не станет попустому шум подымать. И Волынский нарочно разуздан в Бироновом доме. Ко всему еще он окончательно уверился, что Третьяковский – с подворья ненавистного временщика. Кабы Волынскому не было что таить, он, верно, не стал бы учинять скандал в покоях щекотливого фаворита, но в данном случае такое вот откровенное, простодушное, неосмотрительное хамство хорошо маскировало серьезные намерения» [17, 150–151].

Кроме того, «русский Кромвель» не мог терпеть ни малейшего выступления против своей воли: «А тут не олень с тяжело колышущейся гривой, не слон с могучими бивнями, а гнида, мелочь, землячок астраханский, словоблуд, шут без колпака поперек сунулся. Нужны Волынскому его паршивые вирши – это государыня пожелала, чтобы было прочитано стихотворное приветствие брачующимся шутам, – питала она странное пристрастие к стихоплетству. И уж если такая гля осмеливается прекословить, за место того чтобы с благодарностью руки лизать, то сколь же трудно будет поднять людей на большое дело, подчинить их себе, привести к победе и, возглавив новый, силу и власть имеющий Сенат, набив шляхетству рот разными привилегиями, стать при наследнике Анны подлинным властелином России» [17, 152].

Впрочем, несмотря ни на что, поэт прощает своего мучителя, увидев его на эшафоте. Сим-

волично, но гуманист Василий Кириллович был единственным человеком, сострадавшим казненному министру. Неслучайно по воле автора после казни Вольтинского Третьяковский встречает молодого поклонника своего творчества – человека, напомнившего ему о том, что поэзия является единственным спасением от одиночества – самого страшного, что может случиться с человеком.

Итак, мы видим, что история избиения поэта «сильной персоной» в отечественной литературной традиции претерпела серьезные метаморфозы. Лажечников украсил страницы своего романа изображением Третьяковского, попиравшего ногой голову Вольтинского, по версии Нагибина поэт прощает своего мучителя. Лажечников, презирая Третьяковского, не видит ничего дурного в том, чтобы «побить писачку» (впрочем, в тексте этого нет, поскольку подобная расправа оттолкнула бы его читателя от «рыцаря» Вольтинского). Точно так же Нагибин трактует жалобу поэта как акт гражданского муже-

ства («не смирился с насилием»), но «забывает» о получении Третьяковским награды «из пожитков» казненных. Как видим, авторы стараются, чтобы герои понравились читателю, заботливо оберегают создаваемые ими образы от темных пятен. «Русский вельможа старых времен» должен был понравиться образованному дворянину пушкинского времени, а «униженный и оскорбленный» «маленький человек» – советскому интеллигенту.

Традиционно автор исторического произведения оказывается в довольно сложном положении. С одной стороны, он должен создать литературное произведение, которое понравилось бы читающей публике. С другой стороны, он не вправе игнорировать установленные факты и принятые в исторической науке концепции. Вместе с тем писатель тоже является частью общества, поэтому, обратившись к его произведению, мы можем попытаться понять, как менялось отношение общества к своей истории, как менялось само общество.

Библиография:

1. Третьяковский В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозой. СПб.: Наука, 2009. 676 с. (Серия «Литературные памятники»).
2. Анисимов Е. В. Анна Иоанновна. М.: Молодая гвардия, 2002. 362 с. (Серия «Жизнь замечательных людей»).
3. Записка об Артемии Вольтинском // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1858. Кн. 2. Апрель–июнь. С. 135–170.
4. Герман Э. Жизнь Вольтинского, его заговор и смерть // Русский архив. 1866. № 7. С. 1351–1373.
5. Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России. Рязань, 2003. 570 с. (Серия «Новейшая российская история: исследования и документы». Т. 6).
6. Павленко Н. И. Анна Иоанновна. (Немцы при дворе). М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2002. 384 с.
7. Успенский Б. А. «Дурацкая свадьба» в Петербурге в 1740 г. // Вокруг Третьяковского. Труды по истории русского языка и русской культуры. М.: Индрик, 2008. С. 534–545.
8. Нечкина М. В. Функция художественного образа в историческом процессе. М.: Наука, 1982. 319 с.
9. Лажечников И. И. Ледяной дом: Исторический роман // Анна Иоанновна. Исторические романы. М.: АСТ, 2002. С. 419–689.
10. Пушкин А. С. Письмо Лажечникову И. И., 3 ноября 1835 г. Петербург // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 16 т. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1959. Т. 16. Переписка. 1835–1837. 1949. С. 62.
11. Лажечников И. И. Письмо Пушкину А. С., 22 ноября 1835 г. Тверь // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 16 т. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1959. Т. 16. Переписка. 1835–1837. 1949. С. 63–67.
12. Ладыженский С. А. (Булкин). Сыщики. Историческая повесть из бироновского времени // Русский вестник. 1870. Т. 89. № 10. С. 426–505; Т. 90. № 11. С. 101–191; № 12. С. 567–706.
13. Писемский А. Ф. Поручик Гладков // Писемский А. Ф. Полн. собр. соч. В 23 т. СПб.; М.: Издание товарищества М. О. Вольф, 1896. Т. 23. Драматические произведения. С. 186–262.
14. Полежаев П. В. Бирон и Вольтинский: Исторический роман // Анна Иоанновна. Исторические романы. М.: АСТ, 2002. С. 213–417.
15. Авенариус В. П. Два регентства: Исторические повести. М.: Детская литература, 1992. 381 с., ил.
16. Пикуль В. С. Слово и дело. Роман-хроника времен Анны Иоанновны. М.: Вече; АСТ, 2000. Кн. 1. 512 с.; Кн. 2. 576 с.
17. Нагибин Ю. М. Остров любви // Огненный протопоп: Сборник. М.: АСТ; ВЗОИ, 2004. С. 122–168.

References (transliterated):

1. Trediakovskii V. K. Sochineniya i perevody kak stikhami, tak i prozoyu. SPb.: Nauka, 2009. 676 s. (Seriya «Literaturnye pamyatniki»).
2. Anisimov E. V. Anna Ioannovna. M.: Molodaya gvardiya, 2002. 362 s. (Seriya «Zhizn' zamechatel'nykh lyudei»).
3. Zapiska ob Artemii Volynskom // Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh. 1858. Kn. 2. Aprel'-iyun'. S. 135–170.
4. German E. Zhizn' Volynskogo, ego zagovor i smert' // Russkii arkhiv. 1866. № 7. S. 1351–1373.

5. Kurukin I. V. Epokha «dvorskikh bur'». Ocherki politicheskoi istorii poslepetrovskoi Rossii. Ryazan', 2003. 570 s. (Seriya «Noveishaya rossiiskaya istoriya: issledovaniya i dokumenty». T. 6).
6. Pavlenko N. I. Anna Ioannovna. (Nemtsy pri dvore). M.: AST-PRESS KNIGA, 2002. 384 s.
7. Uspenskii B. A. «Duratskaya svad'ba» v Peterburge v 1740 g. // Vokrug Trediakovskogo. Trudy po istorii russkogo yazyka i russkoi kul'tury. M.: Indrik, 2008. S. 534–545.
8. Nechkina M. V. Funktsiya khudozhestvennogo obraza v istoricheskom protsesse. M.: Nauka, 1982. 319 s.
9. Lazhechnikov I. I. Ledyanoi dom: Istoricheskii roman // Anna Ioannovna. Istoricheskie romany. M.: AST, 2002. S. 419–689.
10. Pushkin A. S. Pis'mo Lazhechnikovu I. I., 3 noyabrya 1835 g. Peterburg // Pushkin A. S. Poln. sobr. soch. V 16 t. M.; L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1937–1959. T. 16. Perepiska. 1835–1837. 1949. S. 62.
11. Lazhechnikov I. I. Pis'mo Pushkinu A. S., 22 noyabrya 1835 g. Tver' // Pushkin A. S. Poln. sobr. soch. V 16 t. M.; L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1937–1959. T. 16. Perepiska. 1835–1837. 1949. S. 63–67.
12. Ladyzhenskii S. A. (Bulkina). Syshchiki. Istoricheskaya povest' iz bironovskogo vremeni // Russkii vestnik. 1870. T. 89. № 10. S. 426–505; T. 90. № 11. S. 101–191; № 12. S. 567–706.
13. Pisemskii A. F. Poruchik Gladkov // Pisemskii A. F. Poln. sobr. soch. V 23 t. SPb.; M.: Izdanie tovarishchestva M. O. Vol'f, 1896. T. 23. Dramaticheskie proizvedeniya. S. 186–262.
14. Polezhaev P. V. Biron i Volynskii: Istoricheskii roman // Anna Ioannovna. Istoricheskie romany. M.: AST, 2002. S. 213–417.
15. Avenarius V. P. Dva regentstva: Istoricheskie povesti. M.: Detskaya literatura, 1992. 381 s., il.
16. Pikul' V. S. Slovo i delo. Roman-khronika vremen Anny Ioannovny. M.: Veche; AST, 2000. Kn. 1. 512 s.; Kn. 2. 576 s.
17. Nagibin Yu. M. Ostrov lyubvi // Ognennyi protopop: Sbornik. M.: AST; VZOI, 2004. S. 122–168.